

и дочерей, еще труднѣе бываетъ разспрашивать его самого, но гувернантки, несомнѣнно, самимъ Небомъ посланы для того, чтобы рассказывать правдивыя событія любопытнымъ посѣтителемъ... Исполняя свое назначеніе такого рода, вышеупомянутая гувернантка и рассказала мнѣ нижеслѣдующій случай.

«За два или за три дня до моего пріѣзда маленькая Саша, хорошенькая, крѣпкая десятилѣтняя дочь Льва Николаевича играла передъ домомъ съ крестьянскимъ мальчикомъ изъ деревни. Они поссорились, какъ обыкновенно ссорятся дѣти. Маличикъ въ сердцахъ схватилъ палку и ударилъ Сашу по рукѣ. Ударъ былъ сильный, и дѣвочка съ плачемъ побѣжала въ домъ, показывая большой черный синякъ около локтя. Она, очевидно, еще не читала сочиненій своего отца, потому что сейчасъ же побѣжала къ нему и сквозь слезы просила его выйти и наказать виновнаго. Тутъ для гувернантки представился случай наблюдать, какъ Левъ Николаевичъ примѣняетъ свои убѣжденія у себя дома, и она стала внимательно прислушиваться.

Толстой ласково взялъ дѣвочку къ себѣ на колѣни, вытеръ ей слезы и посмотрѣлъ ушибленное мѣсто. Мы слишкомъ далеко отъ нихъ, чтобы слышать разговоръ, но можемъ легко возстановить его по содержанію многихъ сочиненій Толстого о наказаніи.

— «Ну, Саша, — сказалъ отецъ, — что же будетъ хорошаго, если я прибью мальчика? Отъ этого твоя рука не будетъ меньше болѣть».

— «Нѣтъ, будетъ! Онъ гадкій, злой мальчишка, ты долженъ наказать его!»

— «Подумай немножко, Саша. Почему онъ тебя ударилъ? Вѣдь потому, что разсердился на тебя. Значитъ, онъ тебя не любитъ? А если я его прибью, онъ еще больше тебя возненавидитъ, да еще возненавидитъ и меня. Мнѣ кажется, намъ лучше всего будетъ заставить его полюбить насъ, и тогда онъ никогда больше тебя не ударитъ. А если мы за-